

Комиссия И.Г. Сколкова о проблемах Уссурийского пешего казачьего батальона Амурского казачьего войска

Роман Сергеевич Авилов,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: avilov-1987@mail.ru

В статье на впервые вводимых в научный оборот материалах Российского государственного военно-исторического архива исследуется деятельность комиссии генерал-адъютанта И.Г. Сколкова в Южно-Уссурийском крае в 1869 г. Дается общая характеристика состояния Уссурийского пешего казачьего батальона Амурского казачьего войска на момент осмотра столичной комиссией. Отмечено плачевное состояние батальона, вызванное ошибками в его первоначальном расселении по р. Уссури, проблемами в ведении сельского хозяйства, трудностями в организации скотоводства, сложностями выполнения почтовой повинности и поставки дров для пароходов. Указано на неблагоприятное влияние включённых в состав батальона штрафованных нижних чинов на формирование менталитета казака-уссурийца. Отмечена абсолютная невозможность использования Уссурийского пешего казачьего батальона как военной силы по причине полного отсутствия у казаков какой-либо военной подготовки. В работе дана оценка плану генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта М.С. Корсакова по улучшению экономического состояния батальона. Отмечено скептическое отношение комиссии И.Г. Сколкова к ряду положений плана М.С. Корсакова. Впервые опубликованы предложения самой комиссии по стабилизации ситуации в батальоне, улучшению его социального и экономического состояния. Сделано заключение об ошибочности выводов о характере деятельности комиссии, опубликованных в книге «Краткая история Амурского казачьего войска» Р. Иванова в 1912 г.

Ключевые слова: Амурское казачье войско, Уссурийский пеший батальон, Восточный Сибирский военный округ, И.Г. Сколков, М.С. Корсаков, российский Дальний Восток, Южно-Уссурийский край.

I.G. Skolkov's Commission on the Problems of the Ussuri Unmounted Cossack Battalion of the Amur Cossack Host.
Roman Avilov, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: avilov-1987@mail.ru.

Basing on the documents of the Russian State Military Historical Archive introduced into scientific discourse for the first time, the paper analyses the activity of Adjutant-General I.G. Skolkov's commission in the South Ussuri Region in 1869. The general characteristic of the state of the Ussuri Unmounted Cossack Battalion of the Amur Cossack Host during the inspection of the capital commission is defined. The following problems are pointed out: the deplorable condition of the battalion caused by mistakes in its initial settlement along the Ussuri River, problems in agriculture and cattle breeding, difficulties in postal service and supplying firewood for steamships. The unfavourable influence of the penalized lower ranks included in the battalion on the formation of the mentality of the Ussuri Cossack is described. It is underlined that it was absolutely impossible to use the Ussuri Unmounted Cossack Battalion as a military force due to the complete lack of any military training among the Cossacks. The paper evaluates the plan of the Governor-General of Eastern Siberia Lieutenant-General M.S. Korsakov to improve the economic situation of the battalion. The sceptical attitude of I.G. Skolkov's commission to some provisions of M.S. Korsakov's plan is noted. The proposals of the commission to stabilize the situation in the battalion and to improve its social and economic conditions were published for the first time. The paper concludes about the fallacies of the commission's activities published in the book "A Brief History of the Amur Cossack Host" by R. Ivanov in 1912.

Keywords: Amur Cossack Host, Ussuri Unmounted Cossack Battalion, East Siberian Military District, I.G. Skolkov, M.S. Korsakov, Russian Far East, South Ussuri Region.

В последнее время интерес к истории Дальневосточного казачества снова начал возрастать. Однако, как оказалось, опубликованная к настоящему времени литература способна дать ответы далеко не на все вопросы. Несмотря на многолетнюю работу сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, канд. ист. наук О.И. Сергеева [9; 10; 11], в истории Уссурийского казачьего войска всё ещё остаётся много белых пятен. Одним из них является работа в Приамурье и Приморье комиссии И.Г. Сколкова в 1869 г., собравшей обширный материал о состоянии поселённых по рекам Амуру и Уссури казаков. Сведения в литературе по истории Сибири [6, с. 353—355]

и Дальневосточному казачеству об этой комиссии если и встречаются, то носят отрывочный характер и в основном указывают, что такая комиссия была [1, с. 9; 3, с. 138—139; 5, с. 20; 9, с. 71]. В свою очередь изучавшие деятельность комиссии А.В. Ремнев [8, с. 236—242] и сахалинские исследователи [4] не анализировали её выводы и предложения по казачьим вопросам. Это делает необходимым некоторую корректировку подходов к изучению истории Дальневосточного казачества, а именно отказ от бесконечного переписывания имперских и советских работ и обращение к архивным источникам, которые ранее исследователям просто не были доступны. Тем более что поднятые комиссией И.Г. Сколкова вопросы, связанные с поселёнными в Южно-Уссурийском крае казаками, обсуждались впоследствии много лет, а некоторые — практически до начала Первой мировой войны. Это делает необходимым серьёзное исследование как материалов, собранных комиссией И.Г. Сколкова о проблемах Уссурийского пешего батальона Амурского казачьего войска, так и поставленных ей проблем и предложенных решений. Таким образом, цель настоящей статьи состоит во всестороннем рассмотрении состояния Уссурийского пешего батальона Амурского казачьего войска по материалам комиссии И.Г. Сколкова и оценке предложенных комиссией мер по улучшению состояния батальона.

Комиссия под председательством генерал-адъютанта И.Г. Сколкова была командирована по Высочайшему повелению на два года на Амур «для изучения на месте потребностей и нужд края» весной 1869 г. К этому времени обсуждение предложенных генерал-губернатором Восточной Сибири и Командующим войсками Восточного Сибирского военного округа генерал-лейтенантом М.С. Корсаковым по итогам Манзовской войны 1868 г. предложений по изменению административно-территориального деления Восточной Сибири и российского Дальнего Востока окончательно зашло в тупик. Причём настолько, что не помогла даже межведомственная комиссия под председательством генерал-адъютанта И.С. Лутковского: для принятия необходимых решений в столице просто не хватало сведений о регионе. Вместо двух лет комиссия И.Г. Сколкова проработала на месте год, и уже в начале 1870 г. её председатель представил Александру II рапорт о результатах своей командировки [8, с. 232—237]. Несколько позднее была подготовлена и основная отчётная документация.

Большое внимание комиссия уделила состоянию Амурского казачьего войска, станицы которого располагались вдоль рек Амур и Уссури. Вдоль последней из этих двух рек было расселено казачье население, которое должно было формировать Уссурийский пеший казачий батальон. «Казачье население, растянутое по всему протяжению рек Амура и Уссури, по существу своему и назначению имеет двойственный характер: в одно и то же время оно составляет главное ядро земледельческого населения и главную пограничную военную силу, охраняющую территорию от внешних вторжений. Поэтому, для правильной оценки состояния казачьих войск, в настоящее время необходимо указать на положение казаков, во-1-х, в хозяйственно-земледельческом отношении, а во-вторых — в чисто военном. Как в том, так и в другом отношениях части Амурского казачьего войска различаются между собою довольно существенным образом...», — отмечал И.Г. Сколков [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 143].

Отличия эти проявлялись как в экономическом, так и в военном состоянии частей Амурского казачьего войска, из которых в самом удручающем состоянии оказался именно Уссурийский пеший казачий батальон.

В целом к моменту приезда комиссии численность населения Амурского казачьего войска составляла 18 519 душ обоего пола (9989 м. и 8530 ж.) и распределялась следующим образом: в Амурской конной бригаде было 7548 чел. (3956 м. и 3592 ж.), в Амурском пешем батальоне — 5661 чел. (3059 м. и 2602 ж.) и в Уссурийском пешем батальоне — 5310 чел. (2974 м. и 2336 ж.).

Причём в число 9989 душ мужского пола включались и зачисленные в казачьи войска штрафованные нижние чины бывших батальонов внутренней стражи, всего 1249 чел. (12,5%). Процент их в казачьих частях был не одинаков: на Амурскую конную бригаду из общего числа приходилось штрафованных 344 чел. (9%), на Амурский пеший батальон — 361 чел. (11%), а на Уссурийский пеший батальон — 544 чел. (18%). И сами казаки-хозяева, и местное начальство были единодушны во мнении, что люди эти не только не приносят никакой пользы казакам, но, скорее, составляют бремя для станичных обществ. Из общего числа 1249 чел. штрафованных только 270 (менее 22%) жили своим собственным хозяйством. Остальные, будучи почти совершенно неспособны к земледельческому хозяйству, или нанимались в батраки к казакам-хозяе-

вам, или уходили на сторону для заработков, нередко попадая за разные преступления в арестантские роты и тюрьмы. Естественно, чем больше было такого контингента, тем в худшем состоянии находилась часть. Поэтому в самом незавидном положении оказался Уссурийский пеший казачий батальон. В нём из 544 чел. штрафованных только 96 занимались своим хозяйством, 245 чел. считались уволенными для заработков в Амурскую и Приморскую области, а из остальных часть жила в работниках у казаков, а часть занималась подённой работой.

Все, не занимающиеся своим хозяйством, едва зарабатывали на дневное пропитание и не были в состоянии что-либо сберечь. Не имея возможности ни жениться, ни хозяйничать, люди эти, достигнув старости, ложились бременем на своё станичное общество или, сделавшись неспособными IV разряда, на основании приказа по военному ведомству от 6 октября 1862 г., принимались на казённое содержание. Из штрафованных нижних чинов наибольшее число занимающихся хлебопашеством приходилось на Амурскую конную бригаду, а именно — 31%; затем на Уссурийский пеший батальон — 17% и, наконец, на Амурский пеший батальон — 15% [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 143—143 об.].

Земли Уссурийского пешего казачьего батальона простирались на 483 версты, начинаясь на правом берегу р. Сунгача, затем идя по правому берегу р. Уссури и оканчиваясь в 20-ти верстах от впадения этой реки в р. Амур, где располагалась последняя станица батальона. Всего батальонный округ включал в себя 29 станиц.

Комиссия честно признала, что занятые батальоном земли были не самые подходящие для земледелия и проживания. Те, что лежали по долине р. Уссури, вверх по её течению от Хабаровки, вёрст на 80 от устья, были низменны и почти постоянно затапливались. Далее долина реки, на протяжении 200 вёрст, ограничена горами, которые во многих местах образуют долины, удобные для хлебопашества. Правда, и эти долины тоже иногда затапливались, но казаки без особого затруднения могли распахать земли на нагорных склонах. Далее, до самого оз. Ханка, местность шла совершенно ровная и открытая, но удобная для хлебопашества только в северной части. Вся же долина р. Сунгача составляла совершенно низменную степь, заливаемую рекою на достаточно большое пространство.

Занятые Уссурийским пешим казачьим батальоном земли по качеству почвы были чуть ли не самыми плодородными в Амурском казачьем войске: из 29 станиц только 7 имели глинистую почву, неудобную для хлебопашества (Ильинская, Красноярская, Графская, Нижне-Михайловская, Васильева, Видная и Будогосская), а в остальных станицах земля была хорошая. Однако хлебопашество затруднялось тем, что из 9 станиц 4 (Верхне-Никольская, Покровская, Кедрова и Кукелева) стояли на низких местах и в большую воду частично затапливались не только пашни, но и самые станицы. Кроме того, 3 станицы (Трёх-Святительская, Киселёва и Дьячкова), по неудобству своего расположения, уже получили разрешение на перенесение и частично переселились на р. Кию, где земли были более подходящие для хлебопашества [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 144—145].

Поэтому и сельское хозяйство в Уссурийском пешем казачьем батальоне было развито сравнительно слабо. Так, в 1869 г. в Амурской конной бригаде было распаханно 7479 десятин земли, в Амурском пешем батальоне — 3346, а в Уссурийском батальоне — только 2876. При делении количества распаханной земли на число семейств оказывалось, что в конной бригаде распаханно чуть более 5 десятин на семью, в Уссурийском батальоне — около 4 и в Амурском — $3\frac{1}{3}$ десятины. На каждую же мужскую душу приходилось распаханной земли: в конной бригаде почти по 2 десятины, в Амурском батальоне — чуть более 1 и в Уссурийском — почти столько же.

В 1868 г. было посеяно и собрано в Конной бригаде — 60 608 пудов и 330 811 пудов, в Амурском батальоне — 27 496 пудов и 141 451 пуд, а в Уссурийском — 27 000 пудов и 3963 четверти. Причём относительно посева и сбора хлеба за предшествовавшие визиту комиссии 5 лет динамика была выражено отрицательная: в 1865 г. — засеяно 1347 десятин, собрано — 8204 четверти; в 1866 г. — 1822 десятины и 8484 четверти; в 1867 г. — 2409 десятин и 5809 четвертей; в 1868 г. — 2588 десятин и 3953 четверти, в 1869 г. — 2876 десятин, а относительно сбора казаки «выражали опасение, что не вернут семена» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 145 об.]. Таким образом, положение хлебопашества в Уссурийском пешем казачьем батальоне было признано И.Г. Сколковым «более чем неудовлетворительным. Здесь не только что не хватает своего хлеба на пропитание, но батальон находится, можно сказать, в неоплатном долгу. Едва только по несколько семейств

в каждой станице в хороший год не нуждаются в казенном продовольствии; все же прочие уже с ноября месяца, нередко даже с октября, начинают довольствоваться от казны. По официальным сведениям самого местного начальства, не нуждающихся в пособии от казны и продовольствующимися круглый год своим собственным хлебом, считается в батальоне только 100 семейств.

Что касается до цифры долга казне, то, за отсутствием контроля и отчетности до 1866 года, само местное начальство положительно ее не знает и приблизительно только определяет в 100 000 пудов, не считая долгом казне 24 000 пудов, выданных казакам заимообразно в период времени с 1866 по 1869 год, потому только, что хлеб этот был куплен на разные остаточные суммы батальона. Так как цена муки в районе Уссурийского батальона обходится 2 р. пуд, то окажется, что пеший Уссурийский батальон состоит должным казне, по малой мере, 200 000 руб., не считая 24 000 пудов хлеба, купленного батальоном на свои суммы» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 146].

До 1866 г. отчётности просто не было, и только в этом году заведены были книги и ведомости. Сбор же долгов начал производиться с 1865 г., т.е. с момента создания Восточного Сибирского военного округа. Однако, как отмечалось в сообщениях комиссии, «сбор этот и так называемая уплата долга в сущности совершенно фиктивны. Обыкновенно это происходит таким образом, что, по сборе хлеба, часть его отбирается у казаков, как для семян на будущий посев, так и в уплату долга; но так как собранного хлеба казакам бывает недостаточно, то уже с ноября месяца, и даже с октября, отобранный за долги хлеб раздается тем же казакам на продовольствие, так что, в большей части случаев, долг только увеличивается, а если в некоторых станицах и уменьшается, то в самом ничтожном количестве» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 146—146 об.].

Огородничество в батальоне тоже находилось в удручающем состоянии, несмотря на подходящие природно-климатические условия: вниз по р. Амур, начиная от станицы Буссе, созревали тыквы, дыни и арбузы, а по р. Уссури — даже табак и кукуруза. Тем не менее И.Г. Сколков с удивлением обнаружил, что табак разводился по р. Уссури только в двух или трёх станицах, а «кукуруза, которую, живущие по соседству с казаками китайцы, разводят в изобилии

как хлеб, казаки сеют в огородах в самом незначительном количестве — как лакомство». Лён, коноплю и табак казаки почти не возделывали, разоряя тем самым своё хозяйство, поскольку покупали как табак, так и холст для своего употребления, когда вывозная цена табака составляла 6 руб. за пуд, а сами казаки покупали его, платя по 12 руб. за пуд. «Из общего числа станиц батальона едва насчитывается $\frac{1}{3}$ часть, где хлебопашество стоит не на совершенно низкой степени; во всех же других оно ниже всякой посредственности», — констатировала комиссия [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 146 об. — 147].

Неудивительно, что и скотоводство в батальоне находилось на степени гораздо низшей, чем у других казаков, и производило на приезжих чиновников впечатление, откровенно ужасающее: «Почти ни в одной станице не встречается никаких построек для скота, который зимою остается на холодных дворах, а летом под открытым небом страдает от жары и подвергается мучительному нападению комаров, мошек и оводов. Эти насекомые до такой степени одолевают во время лета скот, что весьма часто лошадей и быков бывает невозможно угнать из деревни в поле. Искровавленные и измученные животные погибают в весьма большом числе, а казаки, с своей стороны, не принимают ровно никаких мер к тщательному уходу за скотом и к устранению причин, так вредно и губельно действующих на скотоводство. В то время, как китайцы и манчжуры в течение дня держат свой скот в темных и крытых помещениях, выпуская его в поле уже по захождении солнца, когда насекомые исчезают, казаки свой скот ежедневно выгоняют на пастбище с утра, причем ни мало не обращают внимания на пастбищные места, через что скот весьма часто ест траву теплую или болотную и гибнет в весьма большом числе. Дымокуры, которыми манчжуры предохраняют дома свой скот от насекомых, употребляются между казаками только в некоторых станицах. Если к этому присоединить еще то обстоятельство, что казаки совсем не кормят своих лошадей и скот зерном, то очевидно будет, что казачий скот весьма слабосилен, тощ, неспособен к продолжительной и трудной работе и весьма сильно гибнет» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 148].

Однако даже тощего и слабосильного скота у уссурийских казаков было недостаточно для развития хлебопашества. В 1869 г. в Уссурийском пешем казачьем батальоне рабочих

быков было всего 320 голов, а также 1473 лошади, т.е. всего рабочего скота — 1793 головы, что составляло 2,35 головы на рабочую семью. При этом средние показатели не отражали реальной ситуации. В некоторых станицах были казаки, имевшие по 8, 10, 12 и даже до 15 голов рабочего скота. Зато в редкой станице нельзя было встретить казака-хозяина, у которого не было ни одной лошади и ни одного рабочего быка. В подобных случаях казак, не имевший своего скота, нанимался на работу к другому, который ссужал ему лошадь за известное число дней работы. В 1869 г. в Уссурийском пешем казачьем батальоне из 792 семей 208 не имели ни одной головы скота, т.е. семейства, не имевшие рабочего скота, а значит, и возможности самостоятельно вести свое хозяйство, составляли 26% [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 147—148].

Важно, что часть причин, столь неблагоприятно влияющих на развитие сельского хозяйства, «происходили от местных обстоятельств, еще совершенно неисследованных» и сами казаки устранить их не могли. Так, приведённый из Забайкалья на р. Уссури скот почти не выживал, страдая от какой-то особой болезни, вероятно, вызванной плохим качеством кормов и отсутствием солонцов. Хорошо выдерживал местный корм только скот, покупаемый у китайцев и маньчжур. При этом ветеринарного врача в батальоне не было, и только летом 1869 г. были отправлены в Благовещенск три малолетка для обучения в коновальной школе.

Другими причинами, вредно влияющими на скотоводство, были две основные повинности казаков: почтовая гоньба зимой и поставка дров на пароходы летом. «Почтовая гоньба очень изнуряет казачьих лошадей к весне, когда казак должен привести дрова, сено для себя и скота, лес для домашних построек и проч. Чтобы сколько-нибудь поправить свою лошадь, хозяин вынужден бывает, прежде чем приступить к обработке поля, выдержать ее на траве, что влечет за собою поздний посев (в половине мая) и уборку хлеба в то время, когда здесь идут дожди». Впоследствии «уссурийский казак зимою ездит на своей тощей лошади за провиантом иногда верст за 200. Такие поездки, в особенности в снежные зимы, окончательно изнуряют лошадей» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 148 об. — 149].

Рыболовство, звероловство и лесной промысел в Уссурийском батальоне тоже практически не существовали. В то время реки Амур, Усури, Сунгача и их притоки были

необыкновенно богаты рыбой и притом весьма разнообразной. В некоторые годы её обилие было поразительным. Так, в 1868 г. на р. Уссури, «в станице Нижне-Никольской, осенью, во время рекостава, из одной тони за один раз вынуто было рыбы 2800 пудов». Тем не менее в батальоне в редкой станице можно было встретить хорошие рыболовные снасти и ещё реже — найти в некоторых станицах людей, которые бы солили и заготавливали рыбу впрок на зиму.

Не было проблем и с дичью, которая могла быть существенным подспорьем в питании казаков. Однако «между Уссурийскими казаками зверопромышленность развита весьма незначительно, и не во всякой даже станице можно найти людей, которые бы ею занимались. В то время, как гольды добывают соболей тысячами, казаки в течение целой зимы набирают их десятками и редко две, три сотни. Причина этого заключается в том, что казаки, не смотря на свое десятилетнее пребывание на Уссури, донныне еще не умеют ходить на лыжах, что делают гольды, и не заводят необходимых для того снарядов. Кроме того, зверопромышленность эта сопряжена с трудом и некоторыми лишениями, которым неохотно подчиняется уссурийский казак» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 149—149 об.].

Что касается лесных богатств, то ближайший к станицам лес был уже вырублен казаками для построек и для их собственных надобностей. Растущий же на удалении от станиц не мог быть вырубам и перевозим за недостатком рабочих рук, лошадей и, вследствие того, за дороговизной доставки к пунктам сбыта. «Если можно эксплуатировать лес, то это только в некоторых местах на Уссури и при том для целей второстепенных. Можно сказать, что огромные здешние леса, которые, при хорошем населении и обилии рабочих рук, составляли бы замечательный источник богатства, истребляются только лесными пожарами и диким манзом, при содействии уссурийского казака», — с грустью констатировала комиссия [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 148 об. — 150].

Казаки Амурского казачьего войска должны были нести службу двух видов: внутреннюю и внешнюю (полевую). Для внутренней службы казаков назначали в местах их расположения на различные должности, как то: сторожами для присмотра и наблюдения за чистотой в комнатах при разных управлениях, школах, лазаретах; сторожами при церквях; в должности для приёмки и расхода дров в казённых

зданиях; караульными при цейхгаузах и соляных складах и т.п. Полевая служба состояла в назначении казаков в караулы при разных учреждениях, вестовыми и ординарцами к разным начальствующим лицам, назначении мастеровыми и музыкантами, в полицию для несения полицейской службы, конвойными для препровождения почты и арестантов, рабочими для постройки казённых зданий, станичными начальниками, писарями в управления, учителями и т.п. Наряды на внутреннюю и внешнюю службу утверждались генерал-губернатором Восточной Сибири и составляли в Уссурийском пешем батальоне: в 1867 г. — 75 и 286 чел., в 1868 г. — 75 и 304 (не считая 157 казаков, привлечённых для участия в Манзовской войне) и в 1869 г. — 75 и 325 чел. соответственно.

«Военное образование казаков стоит на весьма низкой степени, и большая часть из них не имеет понятия даже о первоначальных фронтовых правилах. В Амурской конной бригаде, со времени поселения на Амуре казаков, бывали иногда сборы для обучений, хотя в весьма незначительном числе людей; в Амурском же пешем батальоне и в Уссурийском никогда не было ни одного сбора, ни на один день. Вследствие того, в обоих этих батальонах, в особенности в последнем, военного образования не существует никакого», а хоть какое-то понятие об оружии старой системы и об употреблении его для прежних ружейных приёмов в Уссурийском пешем казачьем батальоне имели только перечисленные из штрафных [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 150—150 об.].

Общее впечатление комиссии И.Г. Сколкова о состоянии казачества в Южно-Уссурийском крае было удручающим: «Здесь, как видно из сделанного описания, казачье население не удовлетворило ни одному из своих назначений. Занимая плодородные земли, оно бедствует и продовольствуется казною; назначенное служить охраною границы, оно чуждо даже первоначальных понятий о военном деле. Таким образом, было бы совершенно нерасчетливо стремиться к дальнейшему развитию военной колонизации в крае и жертвовать новыми средствами для целей, осуществление которых с большими усилиями можно ожидать только отчасти, да и то в весьма далеком будущем. Гораздо проще теперь же обратиться исключительно к гражданской колонизации, предоставив ей, впрочем, полную и широкую свободу, а относительно Уссурийского батальона принять некоторые меры к улучшению его положения, а главное — настоять на том,

чтобы раз принятые меры энергически и неуклонно приведены были в исполнение» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 153 об.— 154].

Причины такой ситуации комиссия видела не только в вопиющих ошибках государственной политики по заселению территории края казаками, но и в сформировавшемся менталитете самих казаков, характерной чертой которого было «общее убеждение их, что правительство вечно будет оказывать им самую широкую помощь» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 154]. Генерал-губернатор М.С. Корсаков считал, что мысль эту привнесли причисленные к войску штрафованные нижние чины, а И.Г. Сколков — что в значительной мере тому способствовало и само местное начальство. Он указывал, что всем без исключения казакам Амурского войска в первое время после их поселения выдавалось пособие хлебом. Это и породило убеждение в том, что помощь будет продолжаться вечно. Однако начальство Амурской конной бригады, видя вредное влияние такого подхода, с первого же раза начало ему противодействовать, выдавая пособие заимобразно только крайне нуждающимся, да и то в самом необходимом количестве, а заодно — побуждать казаков к работе. В Уссурийском пешем казачьем батальоне, где пособие раздавалось без строгого наблюдения за работами, ничего подобного сделано не было.

Для очищения частей Амурского казачьего войска от лиц, имеющих вредное влияние, меры тоже принимались, но, будучи приведены в исполнение в Амурской области, в Уссурийском пешем казачьем батальоне они реализованы не были. Перечисленные из внутренней стражи нижние чины, неспособные к земледельческому труду, но физически сильные, были выделены из Амурской конной бригады и пешего батальона и составили особый рабочий отряд уже в 1862 г. То же самое предполагали сделать и в Приморской области с Уссурийским батальоном, но мера эта не была приведена в исполнение [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 154].

К прибытию на р. Амур комиссии И.Г. Сколкова основные проблемы Уссурийского пешего казачьего батальона были осознаны и местным начальством. В этой связи генерал-губернатор Восточной Сибири, он же Командующий войсками Восточного Сибирского военного округа М.С. Корсаков для очищения личного состава батальона предлагал принять меры, сводящиеся к четырём основным шагам.

Всё население Уссурийского пешего казачьего батальона разделить на 3 категории, с каждой из которых поступить следующим образом:

1. Бессемейных, слабых, по болезни или старости и вообще по физическим недостаткам неспособных к полевой работе перечислить в Забайкальское казачье войско. Те из бывших чинов внутренней стражи, перечисленных в казаки, которые совершенно неспособны к работе и «не в состоянии пропитать себя, как неспособные III статьи, должны поступить на казенное денежное довольствие по 3 р. В месяц». Как тех, так и других перевезти на счёт казны в Забайкалье.

2. Из бессемейных, «полносильных рабочих людей», перечисленных в казаки, составить особые рабочие команды, назначив для заведования ими особых офицеров и унтер-офицеров. Эти команды использовать на работах государственных или по вольному найму. За работы установить заработную плату, которая частично будет употребляться на содержание команд, частично — выдаваться на руки. Те, кто «скопят что-нибудь и поведением своим того заслужат, могут быть, по желанию, возвращаемы к земледелию или могут основывать ремесленные заведения». Те же, кто станет неспособными, должны быть, как и 1-я категория, отправлены в Забайкалье на казённое довольствие по 3 руб. в месяц.

3. Всех остальных оставить на прежних местах и основаниях, ограничив район батальона.

Далее М.С. Корсаков предлагал позади погранично-кордонной линии поселить крестьян, предоставив им увеличенное против положения денежное пособие, необходимое для первоначального обзаведения [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 154 об.].

Комиссия И.Г. Сколкова знала об этих предложениях, но не была с ними согласна. Очистить личный состав Уссурийского пешего казачьего батальона признавалось безусловно необходимым, но комиссия была против создания рабочих команд из лиц второй категории. Генерал-лейтенант М.С. Корсаков в качестве аргументов указывал, что планировавшееся перенесение центра управления Приморской областью в Хабаровку потребует большого числа новых построек, заготовки леса, кирпича и других материалов, что вызовет большую потребность в рабочих руках. Те же команды можно использовать для ремонта телеграфной линии прокладки дорог, погрузки и разгрузки барж, а также для других работ.

Однако, по мнению комиссии, для содержания этих команд необходима будет особая администрация и помещения, которые потребуют издержек, и, вероятно, весьма значительных. Тем более что из 544 причисленных казаков 96 занимались хозяйством, 245 — считались уже уволенными на заработки в Амурской и Приморской областях, а 203 — или подёнщики, или батраки у казаков. «Во всяком случае, — заключал И.Г. Сколков, — чтобы остановиться на этой мере, необходимо предварительно составить подробное соображение о работах, предстоящих в Приморской области, числе необходимых для того рабочих рук и о средствах на содержание рабочих» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 154 об. — 155].

Ещё меньше комиссия верила в успешность поселения крестьян позади казачьего кордона, полагая надежды, что мера эта нравственно поднимет казаков и пробудит их энергию, совершенно беспочвенными. «К сожалению, должно признаться, что хорошие примеры вообще трудно прививаются к русскому земледельческому населению. Доказательством может служить хозяйство наших крестьян на юге России, где русские деревни весьма часто находятся рядом с колонистами и в которых хозяйство между тем ни мало не изменилось к лучшему. А между тем, искусственное привлечение крестьянских населений на Уссури будет до некоторой степени препятствием развитию русского населения в Южно-Уссурийском крае, что составляет насущную потребность» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 155].

Исходя из этого, комиссия предложила для приведения Уссурийского пешего казачьего батальона в лучшее положение меры куда более радикальные, но зато дававшие в случае их реализации серьёзный положительный эффект в разумные сроки.

1. Ограничить район батальонного округа, назначив его от Хабаровки вверх по рекам Уссури и Сунгача до оз. Ханка. Комиссия полагала, что, хотя по Высочайше утверждённому 1 июня 1860 г. положению об Амурском казачьем войске на Уссурийский пеший казачий батальон возложен надзор за всей пограничной линией от устья р. Уссури до южных гаваней, расстояние это слишком велико для батальона и рассчитывать, чтобы он мог охранять всё это пространство, ошибочно.

2. Всех лиц, не могущих вести своё собственное хозяйство, выслать в Забайкальскую область на казённый счёт.

Эту меру предлагалось привести в исполнение с большой осторожностью и крайней осмотрительностью, «дабы она не послужила вредным примером для других и не обратилась бы в награду за беспечность и тунеядство». Мере этой должны были подлежать исключительно: а) вдовы одинокие и не имеющие средств нанимать работников; б) семьи, в которых нет совершеннолетних детей, а глава по преклонности лет или по каким-либо другим физическим причинам не имеет возможности ни работать, ни нанимать работника (сюда же должны были войти и те семьи, в которых хотя и есть совершеннолетние работники, но они по своим физическим недостаткам или состоянию здоровья по медицинскому освидетельствованию будут признаны неспособными к работе и ведению хозяйства); в) бессемейные казаки. Последних необходимо разделить на 3 категории: собственно казаков, и казаков, перечисленных из штрафных — неспособных к работе и службе, и способных. Лиц 1-й категории следовало выселить в Забайкальскую область и причислить к станицам, где они пожелают водвориться. Лица 2-й категории, на том основании, что, служа в регулярных войсках, они подходили бы под разряд неспособных III статьи, должны были по переселении их в Забайкальскую область поступить на казённое денежное довольствие по 3 руб. в месяц. Наконец, лица 3-й категории могли составить рабочие команды. «В случае же, если, по подробном сообщении генерал-губернатора, заведение рабочей команды окажется неудобным и невыгодным, то, выслужившие сроки, положенные для отпусков и отставок в регулярных войсках, должны быть уволены в отпуск и отставку, если бы оказались не выслужившие сроков или по чему-либо не имеющие права на отпуск и отставку, то таких перевести в линейные батальоны или местные команды Приморской области», — отмечалось в сообщении комиссии [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 155—155 об.]. Причём меру по очищению личного состава Уссурийского пешего казачьего батальона следовало распространить также на Амурскую конную казачью бригаду и Амурский пеший казачий батальон, т.е. вообще на все части Амурского казачьего войска.

3. Всё остальное население оставить на прежнем основании, предоставив оставшиеся от переселенцев земли в пользование тех из казаков, которые по своим средствам будут иметь возможность и желание ими воспользоваться.

4. Числящийся на казаках долг полностью сложить (т.е. списать). «Такая мера в действительности не будет сопряжена ни с какими пожертвованиями, ибо долг этот надо считать и без того уже безвозвратным, по невозможности казакам уплатить его. Эта мера скорее всего может подействовать на казаков, которые с того времени начнут работу исключительно для себя и своих семейств» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 155 об. — 156].

5. Устранить обязанность отбывания почтовой гоньбы, устроив почтовое сообщение на общем основании с существующим во всей остальной империи, как на том настаивал генерал-губернатор.

6. Ввести в штат Уссурийского пешего казачьего батальона ветеринарного врача.

7. Разрешить всем желающим свободно селиться на землях Уссурийского батальона, «позади казачьего кордона, на общих основаниях для всех переселенцев в Амурский край, не увеличивая однако против положения денежных вспомоществований» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 155—156].

Кроме перечисленных выше мер, требующих для принятия и приведения в исполнение разрешения высшей административной власти, комиссия указывала на меры, которые зависели от местных властей, а также умения и энергии непосредственных исполнителей. Это были меры второстепенные, касающиеся внутреннего быта казаков и их домашнего хозяйства. К ним относились: выбор мест под пашни и сенокосы, приведение в порядок построек для размещения скота и для жилья людей, устройство запасных хлебных магазинов (т.е. складов) и, если местные власти признают нужным, заведение общественных запашек, увеличение цены за поставку дров на казённые пароходы, выравнивание её с платой частных пароходов и др.

«Что касается до военной стороны казаков амурских и уссурийских и охранения ими границы, то доньне казаки на Амуре и Уссури вовсе не были военною силою и долго еще не будут удовлетворять своему военному назначению. Оборону Уссурийского края по необходимости нужно возложить, по крайней мере до времени, на регулярные войска», — вполне справедливо отмечалось в соображениях комиссии И.Г. Сколкова [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 156].

Таким образом, в итоговых документах о работе комиссии И.Г. Сколкова нигде не содержалось предложений о лик-

видации казачества, как о том ошибочно писал в 1912 г. Р.С. Иванов [3, с.138]. Эта идея возникла уже непосредственно на Особом Совещании 25 мая 1870 г. под председательством великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича и к представленным комиссией предложениям не имела никакого отношения, лишь базируясь на проведённом ей анализе хозяйственно-экономического состояния казаков. Более того, столь активно расхваливаемые Р.С. Ивановым и приписываемые им исключительно генерал-губернатору Восточной Сибири барону П.А. Фредериксу преобразования 1879 г. в Амурском казачьем войске в своей финансовой и экономической части почти полностью представляют собой практическую реализацию предложений комиссии И.Г. Сколкова десятилетней давности [3, с. 161—164; 5, с. 20—27]. Только если в 1869 г. введение в штат Уссурийского пешего казачьего батальона ветеринарного врача было вынесено комиссией в отдельный пункт обязательных мер [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 156], то по итогам преобразований 1879 г., по сетованиям того же Р.С. Иванова, «медицинская и особенно ветеринарная части остались без всякого улучшения и сибирская язва по-прежнему продолжает обильно косить свои жертвы» [3, с. 164].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что как минимум в части улучшения быта и хозяйственно-экономического положения Уссурийского пешего казачьего батальона предложения комиссии И.Г. Сколкова были вполне разумными, а их своевременная реализация позволила бы ещё в 1870 г. ликвидировать ряд проблем, которые существенно тормозили развитие казачества по р. Уссури как на протяжении предшествующего периода, так и в последующие 10 лет до 1879 г. Однако, как это часто бывает в России, разработанный на основе хорошего изучения местных условий план был реализован с 10-летним опозданием, т.е. когда уже нужно было переходить к реализации следующего комплекса мер, и к тому же не целиком. В результате ряд проблем, зафиксированных ещё в 1869 г., так и остался неразрешённым.

В этой связи важнейший результат деятельности комиссии И.Г. Сколкова состоит не только в сборе, систематизации и анализе самых обширных сведений о состоянии казачества по рекам Амуру и Уссури (о его плачевном состоянии знали многие, в том числе и местные власти), но и в том, что эти данные были доставлены напрямую на самый верхний

этаж административного управления Российской империи в Петербурге, где и использовались потом в той или иной степени достаточно долго. Последнее имело большое значение, поскольку представления о российском Дальнем Востоке у лиц, принимавших в столице решения по различным вопросам, связанным с его защитой, освоением и развитием, были самые общие. Молодого офицера Генерального штаба Н.М. Пржевальского там ещё толком не знали: его знаменитая книга «Путешествие в Уссурийском крае. 1867—1869» увидит свет только в 1870 г. [7]. Книга Г. Алябьева «Далёкая Россия: Уссурийский край» выйдет ещё два года спустя, в 1872 г. [2], а вполне разумные предложения комиссии И.Г. Сколкова в 1870 г. уже активно обсуждали, хотя они и не были своевременно реализованы на практике.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авилов Р.С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...». История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869—1914 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2011. 181 с.
2. Алябьев Г. Далёкая Россия: Уссурийский Край. СПб.: Тип. Общественная польза, 1872. 116 с.
3. Иванов Р. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск: Тип. Войскового Правления Амурского казачьего войска, 1912. 221 с.
4. Из предыстории сахалинской каторги. При-Амурская комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова (1869—1870 гг.) / сост. В.М. Латышев, Г.И. Дударец. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. краевед. музей, 2015. 460 с.
5. Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. Вып. 1. Казачья колонизация Приамурского края. СПб.: Издание Канцелярии Комитета Министров, 1902. 267 с.
6. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.
7. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867—1869 г.: с карт. Уссурийского края. СПб.: Тип. Н. Неклюдова, 1870. 369 с.
8. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
9. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. М.: Наука, 1983. 327 с.
10. Сергеев О.И., Иванов В.Д. Уссурийское войсковое казачье общество // Российское казачество: науч.-справ. изд. М., 2003. С. 388—422.
11. Уссурийское казачье войско: история и современность (К 110 годовщине образования УКВ) / сост. В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток, 1999. 120 с.
12. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив).

REFERENCES

1. Avilov R.S. «*Dlya okhraneniya granits Yuzhno-Ussuriyskogo kraya sformirovat'...*». *Istoriya sozdaniya i sluzhby regulyarnoy kavalerii na Dal'nem Vostoke Rossii (1869—1914 gg.)* [«For Guarding Southern-Ussury Regions' Borders to Form...» The History of Creating and Service of the Regular Cavalry on the Far East of Russia (1869—1914)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2011, 181 p. (In Russ.)
2. Alyab'ev G. *Dalekaya Rossiya: Ussuriyskiy Kray* [Far Russia: Ussuri Region]. Saint Petersburg, Tip. Obshchestvennaya pol'za Publ., 1872, 116 p. (In Russ.)
3. Ivanov R. *Kratkaya istoriya Amurskogo kazach'ego voyska* [A Brief History of the Amur Cossack Host]. Blagoveshchensk, Tip. Voyskovoe Pravlenie Amurskogo kazach'ego voyska Publ., 1912, 221 p. (In Russ.)
4. *Iz predystorii sakhalinskoj katorgi. Pri-Amurskaya komissiya general-ad'yutanta I.G. Skolkova (1869—1870 gg.)* [From the History of Sakhalin Penal Servitude. The Priamur Commission of Adjutant-General I.G. Skolkov (1869—1870)]. Comp. by V.M. Latyshev, G.I. Dudarets. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin. obl. kraeved. muzey Publ., 2015, 460 p. (In Russ.)
5. *Materialy otnosyashchiesya do zemel'nogo i ekonomicheskogo polozheniya Amurskogo i Ussuriyskogo kazach'ikh voysk. Vyp. 1. Kazach'ya kolonizatsiya Priamurskogo kraya* [The Materials on Agricultural and Economic Situation of the Amur and Ussuri Cossack Hosts. Vol. 1. Cossack Colonization in the Priamur Region]. Saint Petersburg, Izdanie Kantselyarii Komiteta Ministrov Publ., 1902, 267 p. (In Russ.)
6. Matkhanova N.P. *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka: V.Ya. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskiy, M.S. Korsakov* [The Governor-Generals of East Siberia in the Middle of the 19th Century: V.Ya. Rupert, N.N. Muravyev-Amurskiy, M.S. Korsakov]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN Publ., 1998, 428 p. (In Russ.)
7. Przheval'skiy N.M. *Puteshestvie v Ussuriyskom krae. 1867—1869 g.: s kart. Ussuriyskogo kraya* [Travels in the Ussuri Region. 1867—1869: with the Maps of the Ussuri Region]. Saint Petersburg, Tip. N. Neklyudova Publ., 1870, 369 p. (In Russ.)
8. Remnev A.V. *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX — nachala XX vekov* [The Russian Far East. The Imperial Geography of Power in the 19th Century — the Early 20th Century]. Omsk, Izd-vo Omsk. gos. un-ta Publ., 2004, 552 p. (In Russ.)
9. Sergeev O.I. *Kazachestvo na russskom Dal'nem Vostoke v XVII—XIX vv.* [Cossackdom in the Russian Far East in 17th — 19th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 327 p. (In Russ.)
10. Sergeev O.I., Ivanov V.D. *Ussuriyskoe voyskovoe kazach'e obshchestvo* [The Ussuri Cossack Host Society]. *Rossiyskoe kazachestvo: nauch.-sprav. izd.* [Russian Cossacks. Reference Book]. Moscow, 2003, pp. 388—422. (In Russ.)
11. *Ussuriyskoe kazach'e voysko: istoriya i sovremennost' (K 110 godovshchine obrazovaniya UKV)* [The Ussuri Cossack Host: History and Modernity (On the 110th Anniversary of the Ussury Cossack Host)]. Comp. by V.D. Ivanov, O.I. Sergeev. Vladivostok, 1999, 120 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 06.11.2023